

Мила Ба-Юда г. Кемерово

Господа... Товарищи...

*Мелодрама в трёх действиях
(с элементами феерии)*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Сергей – 35 лет, сварщик

Лида – 35 лет, его жена

Максим – 14 лет, сын Сергея и Лиды

Марк – 6 лет, сын Сергея и Лиды

Галина Васильевна – 68 лет, мать Сергея

Сергеевна – 70 лет, мать Лиды

Дама первая – 50 лет

Дама вторая – 60 лет

Мария Анатольевна – 63 года, в про-

шлом учительница

Баба Люба – 60 лет, работающая пенсионерка

Вася – 35 лет, врач

Катя – 35 лет, жена Васи, врач

Ирина Леонидовна – 55 лет, мать Кати

Валера – 23 года, студент мединститута

Синицин Вениамин – 55 лет, предприниматель

Синицина Аня – 55 лет, его жена

Михаил Григорьевич – 55 лет, бывший музыкант

Лидия Егоровна – 60 лет

Анвар – 40 лет, гастарбайтер

**Провинциальный сибирский городок.
Наши дни.**

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Двор старого пятиэтажного дома. Высокие берёзы, карагачи. На солнечной лужайке – песочница с «грибком», качели, лесенки, лавочки. Возле подъездов – редкие недорогие машины. Жильцы дома, лавируя между ними, устремляются к детской площадке, где общаются, прогуливаются с детьми или выгуливают собак.

Живущие в доме давно знакомы, и потому общение непринуждённое, нередко шуточные, смех.

Рядом с пятиэтажкой – новый, недавно заселённый, высотный угловой дом. На крыше паркинга – необорудованная детская площадка. Подъезды к дому плотно заставлены дорогими машинами, потому жильцы высотки вынуждены гулять во дворе пятиэтажки, но держатся особнячком, со снисходительным чванством.

Дивное летнее утро. На детской площадке – первые гуляющие.

Слышен выстрел, за ним серия одиночных выстрелов. Гуляющие изумлены и строят догадки.

Баба Люба. Батюшки! Что это?

Мария Анатольевна. Вроде стреляют; только в городе какая может быть стрельба?! Не пойму.

Опять слышны выстрелы. Балагурящая молодёжь вмиг затихает. Все присутствующие молча смотрят в сторону звука. Пауза.

Дама первая. Перестали.

Дама вторая. Может, на стройке что-нибудь? Механизм какой-нибудь сломался?

*Все успокаиваются. Дамы выгуливают собачек неподалёку. А от подъезда на площадку катит детскую коляску **Катя**, подъезжает к **Марии Анатольевне**, сидящей на лавочке.*

Катя (качая коляску). А-а-а! Ох, Ванятка!

Мария Анатольевна (приглушённо). Не спит?

Катя. Да. Не пойму, в чём дело. Всё вроде как всегда, а беспокойный, не спит!

Мария Анатольевна. Может, зубки?

Катя. Может, только и температуры нет! Сашу к бабушке отправила, чтоб этот ор не слушала.

Слышен церковный колокол. Из-за дерева выезжает на велосипеде Марк, оставившись, ожидая Сергеевну.

Марк. Бабушка, пойдём к церкви, на бульвар, там просторнее и хорошо кататься.

Сергеевна. Как бы мне самой хотелось! Только не дойду я, родной!

Марк. Сегодня сильнее болит? Так мы только до первой лавочки; ты сядешь, а я покатаюсь. Ну, ба-буш-ка!

Сергеевна. Ну, ладно; давай попробуем! *(Уходят в сторону церкви. Сергеевна прихрамывает.)*

Катя. Ну надо же – уснул.

Дама первая. Вот что колокольный звон делает – умиротворяет.

Мария Анатольевна. Теперь понастроили церквей, и враз все верующими стали. Теперь веровать стало модно.

Дама первая. Не соглашусь я с вами. В церкви побываешь, и на душе светло, светло.

Катя. Отвезу коляску в тенёк. *(Увозит коляску, ставит её неподалёку в тени дерева, возвращается, садится на лавочку.)* Чутьочку отдохну... всю ночь плакал.

К песочнице подходит баба Люба. Она несёт ковёр и выбивалку. Увидев Марию Анатольевну, направляется к ней.

Баба Люба. Мария Анатольевна, вы с рынка? Ну и как там, действительно всё намного дешевле?

Мария Анатольевна. Вся молочка; только очереди, всё пенсионеры отовариваются.

Катя. А я стараюсь пораньше, с утра съездить: и очереди поменьше, и выбор лучше.

Мария Анатольевна. Да я по-всякому приноравливалась. Раз на раз не приходится. Да, Катя, Михаила Григорьевича увидишь, передай ему, что сметану дере-

венскую на его долю я купила, и ещё – его Сергеевна искала.

Катя. Михаил Григорьевич с Васей за саженцами ёлочек уехали. Как вернутся, скажу.

Возвращаются дамы, располагаются на лавочках. Баба Люба обихаживает Артёмку, гуляющего самостоятельно.

Баба Люба. Артёмка, ты один гуляешь? Молодец! На-ка вот! *(Угощает).* Бейсболку-то одень! Так ёлочки уже сегодня привезут? Ай да Григорьевич! Вышиб-таки! Уважаю! *(Кате)* Когда, говоришь, он вернётся?

Катя. Обещали после обеда.

Баба Люба. До работы успею. Я вот уборку затеяла, спешу, пока Виталька на соревнованиях, да вот трава проклятушая на огородах мешает: только выполнешь, она снова лезет!

Дама первая. Как это вы всё успеваете? И на работе, и дома; да ещё и огород. Я утром встану, собаку прогуляю – и на работу, а вечером без сил, с трудом собаку прогуляю и еле-еле до кровати. Нет, не пойму я. Такая уж, что ли, нужда в этом огороде. Я вот огород продала и не жалею: хочу – с собакой гуляю, хочу – лежу.

Баба Люба. Эх, милая! Каждому своё. А я рада, не рада – с огорода подспорье, и Виталька с Артёмкой целое лето купаются, загорают, морковкой и ягодкой объедаются. Плохо ли?

Дама первая. А какой Артёмка-то, не пойму?

Баба Люба. Внук Ивановны, сиротка из третьего подъезда.

Дама вторая. Бедный ребёнок. Как же он без родителей-то остался?

Баба Люба. Отца так никогда не видели, а мать – наркоманка, шляется где-то, если и появляется дома, то только за деньгами к Ивановне. Мы её ругали, а толку-то... Бог ей судья, погибает бабёнка.

Мария Анатольевна. В войну сынов полка растили, а нынче Артёмку мы как сына дома растим! Вы из высотки, потому и не знаете. А наши все в курсе: кто одежку, кто конфетку, так и не даём парнишонку пропасть! Да и Михаил Григорьевич к его судьбе участлив.

Баба Люба. А как же иначе? Ивановне уже под восемьдесят, не выдюжить одной. А про работу, про счастье моё боюсь и говорить: а вдруг сглажу. У меня же работа государственная. Я месяц пашу и спокойна – не обманут, зарплату не отберут. Это тебе не то, что на хозяина вкалывать! Маринка-то моя еле-еле работу нашла (это с красным-то университетским дипломом) и теперь ползарплаты своей хозяйке отдаёт. И это, говорят, ещё хорошо, в других салонах по семьдесят процентов отдают и отметку в трудовой не делают. Я как подумаю, что ждёт наших детей в старости – жить неохота от такой несправедливости!

Мария Анатольевна. Молодым сейчас очень трудно.

Баба Люба. Ой, не могу! Не то слово! Я на разных маршрутах работаю, такого нагляделась – в деревнях поголовно пьют; а с материнским капиталом все с ума посходили – один на руках, другой за юбку держится, а она опять пузатая! Там детей растить некогда, там они их только рожают!

Дама первая. Это точно. Пока моя дочка росла, у неё свободной минуты не было – кружки, секции всякие, и всё бесплатно. А теперь дочка определила внука в изостудию и на иностранные языки, так по оплате, хотите – верьте, хотите – нет, – что моя пенсия!

Дама вторая. Да, вон возьмите молодёжь; делают что хотят – никто им не указ: учатся без прилежания, одни компьютеры да интернеты на уме; взрослых, пожилых не уважают. Другая стала жизнь!

Мария Анатольевна. Другое время, другие внуки и другие, простите, бабушки. Сегодняшние бабушки – тоже: как прежде, пирогов не пекут, носков не вяжут, а всё норовят по спа, по турпоходам, или со скандинавскими палочками разгуливают. Изменилась жизнь, несравнима с прежней: двор-то машинами заставлен – не так плохо, видно, народ живёт!

Баба Люба. Кому машины, кому проблемы. Вон Сергеевна мечется, внука записать в лицей старается, да не берут, только по прописке: на окраине живёшь – будешь в переполненной окраинной школе учиться.

Хорошо, хоть Михаил Григорьевич обещал помочь!

Дама первая. Столько слышу про вашего Михаила Григорьевича – он кто, «новый русский»?

Мария Анатольевна. Скорее, старый русский – много работает, к людям участлив, принципиален, совестлив.

Дама вторая. Так он и не богат даже! Как же другим помогает?

Мария Анатольевна. На глазах у меня группой они начинали, только не приучен он за счёт другого выгоду иметь. Все мы тогда не умели кусок пожирнее захватить, другого оббежать или из рук у кого-то вырвать. Не умели, да так и не научились. А когда он один остался, от дел отошёл, других стал опекать, так тем и живёт. А для помощи порой и доброго слова достаточно...

Вновь слышны одиночные выстрелы. Катя подхватывает малыша на руки.

Катя. Ой! Это что? Стреляют, что ли?

Баба Люба. Не бойся, Катя. Это на стройке неполадки. Мы давеча утром, как услышали, тоже поперепугались все. *(Берёт ковёр, уходит к подъезду.)*

Мария Анатольевна *(поднимаясь с лавочки).* Пойду я, мне сегодня ещё на дежурство. *(Звонит сотовый телефон. Мария Анатольевна не сразу находит его и, оставив сумку, отходит к высокому дереву.)*

Мария Анатольевна. Алло. Бонжур, внучок... А почему? Ведь обещали?! Нет, не расстроилась. *(Плачет, продолжая разговаривать.)* Да. А. Хорошо. Буду ждать звонка. *(Прячет телефон, возвращается за сумкой.)* Да-а.

Катя. Что-то случилось? Неприятности?

Мария Анатольевна *(обречённо).* Мои не приедут в гости. Я понимаю, на курорте лучше, только, боюсь, язык родной внуки забудут. *(Берёт сумку и уходит к своему подъезду.)*

Катя. Жаль её; растила дочь, ночей не спала, а теперь годами одна. Я как подумаю, что и Ванятка... *(Слышен плач ребёнка, Катя спешит к нему.)*

Дама первая. Как же жаль! Пока наших детей учила, в такой строгости держала, а своих за границу учиться отправила. Ловчить, видишь ли, она не научена, но детишки за границей не бедствуют.

Дама вторая. Она и сейчас учительствует?

Дама первая. Какое там! Их сразу турнули, как наше время пришло. Где-то пол моет.

Мимо песочницы проходит мулат Валера.

Валера. А Сергеевна не гуляет?

Дама вторая. Они с внуком к церкви ушли.

Валера. А-а. А то я гляжу, её нет. *(Уходит к церкви.)*

Дама первая *(изумлённо).* Господи! Негр, что ли?

Дама вторая. Валера – мулат; папа у него чёрный, а мама белая. Он в соседнем доме живёт, неужели раньше не видели?

Дама первая. Да как-то нет! *(Улыбаясь.)* А мама-то какова – где она чёрного папу ухватила?!

Дама вторая. Она за границей работала, вышла замуж там, да не пожилось!

Катя *(усаживая малыша в коляску).* Пойдём встречать! Наш папа приехал. *(Уходит к пятиэтажке.)*

Дама вторая *(сюсюкая с собачкой).* Это кто у нас проснулся?

Дама вторая. Вы свою тоже в «Любимиче» стрижёте?

Дамы уходят к высотке. От пятиэтажного дома к детской площадке проходят супруги Синицыны.

Вениамин. Вот здесь и подождём. Недолго. Пробки.

Аня. Расповадил ты его – виданное ли дело, мы его ждём, а не наоборот. *(Садится на лавку.)* Как всё-таки время быстро бежит: сорок дней уже, а как вчера; и боль не утихает. Я только сейчас Михаила Григорьевича поняла: сильный он человек – после такой утраты одному остаться и не сломаться. А за столом его не было. Кстати, ты ему звонил?

Вениамин. Трубку не берёт.

Аня. Через Ирину Леонидовну передавал?

Вениамин. Я ему даже встречу назначил. Не пришёл.

Аня. Эх! Григорьевич, Григорьевич. Значит, не простил!

Вениамин. Приехал вон, и быстро. А ты – расповадил, расповадил... *(Уходят к подъехавшей машине.)*

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Раннее утро следующего дня. Тот же двор. Посаженные зелёные ёлочки радуют глаз. Высокий статный мужчина и Вася не спеша идут от дома к лужайке.

Михаил Григорьевич. Так он мне и говорит, не было учений и стрельбы, что-то ваши бабоньки напутали – переполоху зря наделали. А сам смеётся.

Вася. Так-то оно так! Но не выдумали же они всё это на пустом месте.

Михаил Григорьевич. А то ты не знаешь! Если мамашки при исполнении, то за своего родненького и порвать могут, и из мухи слона... и любого куста бояться... Стройка рядом, вот и почудилось. *(Пауза.)* Гляжу, ёлочки ты уже с утра поливал.

Вася. Да не только я. Помощников хоть отбавляй.

Михаил Григорьевич. Это и понятно – для себя же, не для дяди! Я помню, эти карагачи мы тоненькими прутиками сажали, сразу, как наш дом заселили.

Вася. Так вы в этом доме с заселения?

Михаил Григорьевич. Да... Представляешь, здесь был пустырь, и ребятней мы на речку напрямки ходили. Это сейчас всё позастроили; один Синицын чего стоит: всё вот это – и парковка, и учебный центр, и аптеки – всё его!

Вася. А по его виду не скажешь!

Михаил Григорьевич. Это ты зря. Он всегда был «хват», ещё со школы.

Вася. Вы что, вместе учились?!

Михаил Григорьевич. Представь... И учились, и вместе начинали...

Вася. Неужели сам поднялся?

Михаил Григорьевич. Конечно, поначалу родители поддержали, но он работал

как зверь, круглые сутки... Себя не жалеет и никого не жалеет – своих, чужих. А главное, ему всегда удаётся в нужном месте быть в нужное время.

Вася (*с сомнением*). Ну, не знаю... Мы с Катей из кожи вон лезем, работаем, но, если бы не родоки, так бы и ходили по кругу – то там прореха, то тут облом.

Михаил Григорьевич. По-моему, ты спешишь с выводами. Правда, я советчик в этих делах никудышный...

От дома к площадке идут Катя с матерью Ириной Леонидовной.

Вася. Вон мои, я пошёл. (*Уходит навстречу Кате, оставляет ей коляску.*)

Михаил Григорьевич. Сегодня, красавицы, канонада не беспокоила?

Катя (*занимаясь сыном*). Скажете тоже. Я на приёме была!

Михаил Григорьевич (*подходит*). Почему Ирина Леонидовна молчит? Уж не в обиде ли?

Ирина Леонидовна. Ай! Знаю я вас. С вами водиться, что в крапиву садиться: сейчас – красавицы, а потом – иди, Леонидовна, цветы сажать или ёлки поливать!

Михаил Григорьевич. Ба-гюш-ки! Леонидовна, когда я тебя цветы сажать посылал? Ну и ну!

Ирина Леонидовна. Как же, как же, вспомни (*смеётся*). Поверил, Михаил Григорьевич? А клялся и божился, что я тебя не подловлю. Это тебе за канонаду! Пляши теперь!

Михаил Григорьевич. Ну ладно. Сдаюсь, подловила. Плясать не стану – не в форме! Ты, Леонидовна, проясни для начала: в магазин ты со своим пакетом ходишь?

Ирина Леонидовна. То есть?

Михаил Григорьевич. А то и есть, если ты пакет в магазине каждый раз покупаешь, знать, ты уже средний класс. Во как!

Ирина Леонидовна. А ведь верно подмечено; народ на всём экономит... Кстати, в филармонию не звонил?

Михаил Григорьевич. Всё без толку – им только молодые «деревянщики» нужны! Не до филармоний мне – я в карьерном росте – в сторожá пошёл!

Ирина Леонидовна. Да ну тебя, всё шутишь!

Михаил Григорьевич. Не до шуток. Правда-правда, сменщиком к Николаю.

Ирина Леонидовна. Ты бы с Вениамином поговорил.

Михаил Григорьевич. Нет. Сейчас я сам. Это тогда, когда мне помощь позарез нужна была, мы все свои разговоры переговорили, да разбежались разными дорогами.

Ирина Леонидовна. Ну, как знаешь! Только не побыть за столом в сороковой день не по-людски как-то; старики тебя любили и не обижали.

Михаил Григорьевич. Я на сутках был.

Из открытого окна доносится крик «Мама!»

Мария Анатольевна. Иду, иду (*уходит*).

Слышен церковный колокол. Михаил Григорьевич, бредущий в задумчивости по тропинке, останавливается, слушает его и направляется к лавочкам, где уже расположилась с вязанием Сергеевна. Гуляющие неподалёку дамы направляются к Сергеевне. От дома через детскую площадку спешит Мария Анатольевна.

Михаил Григорьевич. На дежурство вызвали?

Мария Анатольевна. Да телефон, будь он неладен, на работе оставила. (*Уходит к школе.*)

От соседнего дома на лужайку выходит Валера, заметив Сергеевну, направляется к ней.

Валера. Сергеевна, я до вас. Вот ключи. Вы с Лилькой построже, она вас послушает! Да, ещё, Сергеевна... (*Нерешительно.*) Мне неловко, я хотел одолжиться...

Сергеевна. Уж не машину ли надумал покупать? А! (*Смеётся.*) Я в этом случае тебе не помощница.

Валера. Что вы! У меня с паспорта листок сползает: так в паспортном его у меня забрали и ласково объяснили, что, как только штраф три тысячи заплачу, мне времянку дадут и

через два месяца новый. А мне на практику оформляться... После двадцатого я вернул бы.

Сергеевна. Пойдём к нам. Господи, штраф за паспорт – треть пенсии, с ума сойти.

Валера. Нет, я здесь подожду.

Сергеевна (*подзывает внука*). Никуда не уходи, я сейчас приду. (*Уходит.*)

Михаил Григорьевич. Так они тогда взяли или нет тебя медбратом; ведь обещали по телефону.

Валера. То-то и оно, что по телефону. А когда я приехал устраиваться, увидели, что чёрный, и отказали. Обычная история. Скоро институт закончу, может, тогда...

От подъезда дома к лужайке спешит Сергеевна; передав деньги Валере, она вместе с Михаилом Григорьевичем медленно возвращается к лужайке.

Сергеевна. Утром Любу видела, просила спасибо сказать за велосипед для Артёмки.

Михаил Григорьевич. Какое там спасибо. Он у меня в гараже валялся. Маленько подшаманил да и привёз – пусть пацан катается.

Сергеевна. О, вспомнила – ты бы, Григорьевич, наведалься в мой гараж, что на даче, выбрал бы себе что нужно: оно мне всё без надобности. А там, глядишь, и чайку попьём, как бывало. Дорогу-то помнишь? Хотя бы в субботу – мы там будем.

Михаил Григорьевич. Не забыл. Всё не забыл... Спасибо, конечно, только я пока по гостям не ходок!

Сергеевна. Это ты зря! По себе знаю. На люди надо, на люди. Скорей отболит... Подумай...

Подходят к лавочкам. Сергеевна возвращается к вязанию. Михаил Григорьевич остаётся стоять неподалёку.

Дама первая. Гляжу, вы Валеру опекаете. А я его как-то не воспринимаю и даже за человека не считаю. Понимаю, он ни в чём не виноват, но случись у него лечиться, я бы брезговала... Это помимо меня!

Сергеевна. Да что вы?! Парень такой хороший, помощник. К матери и сестре добрый, внимательный. Не каждый белый

такой. Наши у него лечились. Говорят, рука у него лёгкая – уколы ставит только так! А вот санитарит, работы другой найти не может: как увидят, что чёрный, – шарахаются как от прокажённого. (*Пауза.*)

Подходит Михаил Григорьевич, садится.

Михаил Григорьевич. Думаю, не только в этом дело. Вовка у Николая своими резюме весь город засыпал – никакого толку, хоть и белый.

Сергеевна. С работой беда. Виданное ли дело, молодым – и нет работы! У меня зять – сварщик от Бога, а таксует по ночам и тоже не знает, заработает ли. Как жить? Как быть? Хорошо, что я рядом, а так хоть по миру иди – двое детей!

Михаил Григорьевич. Э-хе-хе! С работой и для молодых, и для всяких беда и ерунда. А главная бестолковщина – не слушаем мы старших! Мой дед, бывало, толковал – даже птички понимают: и воробей с синичкой общего гнезда не вьют! А люди: русская с татаринком, немец с хохлушкой... Узнал бы дед про Валеру – в гробу перевернулся бы.

От школы к лужайке возвращается Мария Анатольевна. Она взволнованна и огорчена.

Михаил Григорьевич (*участливо*). Не нашла сотовый?

Мария Анатольевна (*держит телефон в руке*). О-о-ой! Я сейчас такое видела, такое, до сих пор успокоиться не могу...

Сергеевна. Господи! На всё твоя воля. Что случилось?

Мария Анатольевна. И сама не верю, и сказать кому, так не поверят.

Дамы (*вместе*). Что? Что?

Мария Анатольевна. Возле фонтана видели стаю голубей?

Дама первая. Ребятишки и взрослые кормят их обычно.

Мария Анатольевна. Нет больше стаи. Вот какие выстрелы мы вчера слышали. (*Пауза.*)

Все с недоумением смотрят на Марию Анатольевну.

Мария Анатольевна. Разум отказыва-

ется поверить, но я видела эту страшную уборку у фонтана, как площадь моют и птиц убирают.

Сергеевна. Кому они мешали...

Михаил Григорьевич (*непримиримо*). Голубь – ленивая, никчёмная птица – болезни переносит да подачками кормится. Никакой он не голубь мира, а наоборот, из-за него столько споров – магазин, санэпидстанция, фонтанщик, дворники просят: «Люди, не кормите – грязь и болезни от них». А людям всё нипочём – кормят как кормили и ничего понять не хотят! Ещё скажите, что вам нравятся миллионы бездомных кошек и собак, которых вокруг домов развели...

Мария Анатольевна. Что же с нами делалось, почему наши сердца очерствели?! (*Сокрушённо.*) Вот уж, поистине, сытый голодного не разумеет. Мы говорим как на разных языках, и всё-таки я верю: сколько бы окна в подвалах ни запирали, всегда найдутся люди-человеки, которые и окна откроют и голодающую живность накормят, а случится, и полечат!.. Моя знакомая оплатила операцию бродячей кошки... (*Пауза.*)

Михаил Григорьевич (*язвительно*). Усыпила?

Мария Анатольевна. Нет! Вылечила!

Михаил Григорьевич (*с вызовом*). Я не зверь, мне бродячих тоже жалко, но сейчас к людям не всегда людское отношение; где уж до бродячих животных! И, извините меня, только не верю я в наличие таких уж сердобольных соседей. (*Пауза.*)

Из подъехавшей машины выходит Ирина Леонидовна и направляется к соседям на лужайке.

Мария Анатольевна (*с досадой*). Не верит он, видите ли! Синицыны, к примеру, строят приют для бродячих животных.

Михаил Григорьевич. Да, строят и строят вскладчину, и всё там не так просто.

Ирина Леонидовна. Я с новостью, да какой!

Дама первая. Знаем уже!

Дама вторая. Голубей отстреляли у фонтана.

Ирина Леонидовна. Да вы что?! Почему?

Сергеевна. Видно, помешали кому-то.

Ирина Леонидовна. Вы меня огорошили. Только я хотела рассказать про нашу соседку, оплатившую треть пенсии за операцию бродячей кошки. Теперь её выхаживает.

Дама первая. Это как-то нереально.

Дама вторая. Ну, понимаю, если бы своей, а бродячей? Это сказочная история!

Сергеевна. Это баба Люба или Мария Анатольевна.

Мария Анатольевна. Если бы вы только слышали, как кошка кричала, когда поранилась, как она страдала, вы бы не удивлялись теперь! А вся её вина в том, что она появилась на свет; она же не могла себе помочь...

Михаил Григорьевич. Ну, мать! Ну, Мария Анатольевна, ты даёшь! Снимаю шляпу. (*Раскланивается, размахивая воображаемой шляпой. Пауза.*)

Из подъехавшей машины выходят Люда и Сергей. Марк и Сергеевна спешат им навстречу. Сергеевна прощается с домашними и возвращается обратно.

Михаил Григорьевич. Сергеевна, колось сразу: медаль получила или миллион выиграла? Светишься вся, аж глаза режет.

Сергеевна (*с радостью*). Лучше, Григорьевич, намного лучше: старшему внуку бесплатную путёвку дали в санаторий. Это ж надо – и лечение и питание бесплатно! Поверить не могу: мне б вовек на такую путёвку не собрать.

Михаил Григорьевич (*улыбаясь*). Да, это покруче миллиона будет! А что-то баба Люба сегодня не на всех парах – еле плетётся?

Подходит расстроенная и возмущённая баба Люба.

Баба Люба. Из поликлиники иду. Со всем они там опупели: записывают к врачам только один день в месяц, наш дом – двадцать пятого числа.

Михаил Григорьевич. Вот это да! Если двадцать шестого заболел, кукуй до следующего месяца; значит, либо сковырнёшься, либо само пройдёт! Ловко придумано. А вы горюете: голубей отстреляли. Здесь со стариками разобрались чуть ли не так же!

Никому мы не нужны – ни господа, ни товарищи, а лишние люди...

Дама первая (*неуверенно*). Я слышала, можно через Интернет в любую поликлинику записаться, а не обязательно в нашу...

Михаил Григорьевич. Ага, у каждой бабки по компьютеру – записывайся, не хочу!

Сергеевна (*участливо к бабе Любе*). Пойдём ко мне, я Валере позвоню. Не переживай, образуется всё. Я вот тоже не верила... (*Уходят к подъезду*.)

Михаил Григорьевич прохаживается между ёлочек, останавливается, рассматривает их.

Дама вторая. Так у вас двое внуков?

Дама первая. Если бы, трое! В прошлую субботу наведывались, весь день у плиты простояла, ужас!

Дама вторая. В дефиците нынче внимание и понимание...

Слышен церковный колокол. Соседи молча слушают. Из-за деревьев высыпает молodёжь и оседает на качелях-каруселях, включают музыку, диссонирующую с колокольным звоном.

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

У леса небольшая дача с верандой, ухоженным двориком, вишнёвым садом. Со двора виден участок улицы за забором, калитка и наружная лестница. Тропка по краю леса ведёт к старой лавочке.

Вторая половина дня, ближе к вечеру. На садовых качелях – Сергеевна и Марк.

Сергеевна. Как хорошо, что мы так рано приехали – и с соседями повидались, и с делами управились: полили, салат по банкам разложили, вишню собрали.

Марк. А с моей не собрали ещё.

Сергеевна. Так она за шесть лет с твоего рождения вон как вымахала, и ягоды высоко. Папа завтра с лестницы достанет.

Марк (*вздыхает*). Меня Кирилка бедным обозвал!

Сергеевна. Кирилке только пять. Он неправильно понимает это слово. Вспомни, мы птичку спасали.

Марк. Она в бассейне чуть не утонула.

Сергеевна. Да. Помнишь, мы её из воды достали, на ветку посадили и как её называли? Бедная птичка, потому что она попала в беду, а помочь некому – ни папы, ни мамы рядом! А как мы радовались, когда она обсохла и улетела!

Марк. Да, радовались.

Сергеевна. А в прошлое лето, помнишь, мы лягушку у плохих мальчишек купили? Они её мучили, а мы купили и потом бедной называли.

Марк. Потому что лягушка была в беде (*смеётся*). А как лягушка ушлёпывала, когда мы её отпустили.

Сергеевна (*задумчиво*). У тебя мама, папа, брат есть, они тебе всегда помогут – совсем ты не бедный. Нет.

Марк. Бабушка, давай поиграем в телефон.

Сергеевна. Ну, давай. Здесь у нас абонентский круг, а второй – у двери.

Марк отходит к двери и звонит в игрушечный телефон; Сергеевна тоже звонит и включает фонарик.

Марк. Алло, алло. Это бабушка?

Сергеевна. Алло, Марк, пойдём гулять.

По улице к калитке подходит Анвар.

Анвар. Сестра, сестра!

Сергеевна. Ой, Анвар! Заходи. Здесь живёшь?

Анвар. Живу в Берёзово, на автобус спешу. Вот, возвращаю, как обещал (*передает свёрток*).

Сергеевна. С обязательным человеком и дело приятно иметь. Кланяйся Абдурахману.

Анвар уходит к остановке. По улице идёт Лидия Егоровна и останавливается возле калитки.

Лидия Егоровна. Хозяева! Ау!

Сергеевна (*выходит из веранды*). Лидия Егоровна, милая, заходи. Чайку попьём!

Лидия Егоровна (*заходит во двор*). Я по делу. Место разнорабочего освободилось. Они ищут молодого да рукастого. Вот номер телефона приюта.

Сергеевна. Да неужели Сергею повезёт? Спасибо, родная! Не знаю, как и благодарить.

Лидия Егоровна. Да что вы, Сергеевна, – дело житейское. Вы заехали? Здоровье-то как?

Мимо дачи по улице проходит странная пара. Она, статная, идёт впереди налегке. За нею, с пакетами, он – молодой парень: неухоженный, небрежно одет, шагает с поддобрострастием, готовый угодить.

Сергеевна. Да понемногу хожу, недалеко.

Лидия Егоровна (*заметив идущих*). О, наша госпожа со свитой!

Сергеевна. Кто-кто?

Лидия Егоровна. А-а, купила дачу богачка. Теперь бомжей всяких собирает, и они на неё работают за похлёбку, как крепостные. А у меня новый сосед, тоже господин богатый, часть огорода оттяпал, и никто ему не указ. Завтра приеду, подробно всё расскажу, а сейчас побежала, а не то на автобус не успею. (*Уходит по улице.*)

Сергеевна. Марк, ты уже готов? Я тебя жду.

Марк (*спускается по лестнице*). А когда мама с папой приедут?

Сергеевна. Да скоро. Смотри-ка, закат какой красный; завтра будет ветер.

Марк. Красиво. Можно, я по тропке вперёд побегу и обратно?

Сергеевна. Только до лавочки и назад!

Марк убегает и тут же возвращается

Марк (*испуганно*). Бабушка, на лавочке кто-то есть.

Сергеевна. Сейчас посмотрим, кто нашу лавочку занял.

Подходят. Рядом с лавочкой на земле тёмная женская фигура, она пытается встать.

Марк. Я боюсь.

Сергеевна. Не бойся. Стой рядом. Видишь, она в беде. Ей надо помочь.

Марк. Ладно.

Сергеевна. Женщина, вставайте, не лежите на земле! Мы сейчас поможем.

Подходят ближе, помогают женщине сесть на лавочку, пытаются с ней разговаривать. В ответ – нечленораздельная речь.

Марк. Давай заберём её к нам.

Сергеевна. Да как; она же не сможет идти! Её надо домой определять. О! Сейчас в приют позвоню. Там специалисты и смогут помочь!

Первый звонок. Сергеевна звонит (как при игре в телефон). Освещается абонентский круг. Возникает дама средних лет в строгом деловом костюме – сотрудница приюта.

Сотрудница. Алло!

Сергеевна. Помогите. В лесу, возле дачного кооператива, я нашла женщину, она не может идти и плохо разговаривает.

Сотрудница. А вы кто?

Сергеевна. Я прохожая. Иванова Валентина Сергеевна.

Сотрудница. Валентина Сергеевна, привозите найденную к нам, и мы примем меры (*бросает трубку*).

Абонентский круг гаснет. Строгая женщина исчезает.

Марк. Бабушка, а вот на тряпочке написано.

Сергеевна. Подожди-ка, сама прочту. (*Берёт кофту, читает.*) А-а, теперь понятно! Хорошо, родня телефон написала. Сейчас позвоню.

Второй звонок. Звонит. Освещается абонентский круг, и появляется молодая пара – муж и жена.

Сергеевна. Мы встретили вашу Тамару.

Муж. Ну, слава Богу, нашлась! А где? Как вас найти?

Сергеевна. У старого моста, на Сухой речке. Мы вас встретим.

Муж. Скоро будем. (*Пауза.*)

Марк и Сергеевна подходят к краю леса. Стоят. Ждут. Подъезжает машина. Приехавшие подходят к встречающим; после молчаливых объяснений спешат к лавочке. Прохладный тёмный вечер вступает в свои права. Сергеевна с Марком возвращаются на дачу.

Марк (тихо). Бабушка, ты боишься?

Сергеевна. Нет. Ты же со мной (берёт внука за руку). И ты ничего не бойся. Сейчас мы попьём чайку – и спать!

Сергеевна с Марком поднимаются по лестнице. Спускается Сергеевна одна, проходит на веранду, с чашкой чая устраивается с комфортом на лавочке перед дверью.

Сергеевна (бормоча себе под нос). Запозднились. Подожду здесь!

Третий звонок. Слышен звонок сотового. Освещается абонентский круг. В нём находящаяся на отдыхе, ухоженная Галина Васильевна. Сергеевна вздрагивает от неожиданности и берёт трубку.

Галина Васильевна (нарочито весело). Лидочка!

Сергеевна. Галина Васильевна, это я. У меня Лидочкин телефон.

Галина Васильевна (в сторону). Всё не как у людей! (В трубку.) Я до ребят не могу дозвониться.

Сергеевна. Не беспокойтесь. Они на работе. Серёжа, наверное, не может ответить. Максиму дали путёвку в санаторий. Марк со мной на даче. Урожай снимаем, заготовки делаем.

Галина Васильевна. Не увлекайтесь, у меня дорогой тариф.

Сергеевна. Ой, простите; давайте, я вам перезвоню.

Галина Васильевна (перебивая, с вызовом). Они опять таксуют?

Сергеевна. Опять. Пока в основной работе нет заказов, детей-то кормить надо, время-то сейчас тяжёлое.

Галина Васильевна. Какое время тяжёлое? Это вы со своей сюсюкающей благоотво-

рительностью до настоящей жизни их не допускаете, всё соломки стараетесь подстелить, внуков на себе тянете – своё самолюбие тешите. Ах, какая вы незаменимая – прямо при жизни памятник ставь! А то, что дети вашими усилиями превратились в неудачников и внуки размазнями растут – не замечаете!

Сергеевна. Боже правый, что же вы тогда, когда я просила поучаствовать в судьбе старшего внука, не спешили его к себе от меня, неправильной, забрать: ни денег у вас не нашлось, ни времени, да и Анталии по вам скучали.

Галина Васильевна (распаяясь). Вы меня Анталиями не укоряйте. Сама зарабатала, сама и отдыхаю. А брать внуков, с какой это радости я должна? У моих внуков родители есть, пусть они их проблемы и разгребают. Я своих детей вырастила и никого в помощники не звала; могла и спрос учинить, и к порядку призвать, а если что худое случалось – не особенно чикалась.

Сергеевна. Ну, вот и поговорили. Вы всё мне объяснили. Осталось только одно уточнить: жить по-своему – это исключительно только ваше право? Знайте же, что я не могу допустить, чтобы из-за проблем родителей страдали и голодали дети!

Галина Васильевна. Ну, уж прямо так и голодали!

Сергеевна. Зарплату за просто так не получают, потому и таксуют.

Галина Васильевна. Ну, в общем, передайте, что я звонила.

Сергеевна. Всенепременно.

Освещение в абонентском круге гаснет. Галина Васильевна исчезает. Сергеевна безуспешно звонит. Абонентский круг освещается несколько раз, но он пуст. Сергеевна поплотней заворачивается в плед и размышляет вслух.

Сергеевна. Ну почему Серёжа не отвечает! Так поздно уже... Господи, сохрани их... Ох, доля моя, доля – с одиночеством вдвоём доживать.

В вечерних сумерках слышен звонок сотового. Одновременно освещается або-

нентский круг. Двое парней в ветровках и джинсах сидят на корточках. Сергеевна поспешно берёт трубку.

Сергеевна (в сторону). Ну, наконец! (В трубку.) Серёжа? (Растерянно.) Кто это?

Первый парень. Вы мама Лидочки?

Сергеевна. Что случилось?!

Второй парень. Мамаша, вы не волнуйтесь, все живы и здоровы. Только ваша дочь Лидочка с Сергеем помяли нам машину и пытались скрыться. Если договоримся за пятьдесят тысяч, то мы не станем сообщать ГАИ подробности, если нет, то ими будет заниматься суд. Думайте быстрее, ГАИ уже приехала.

Сергеевна. Подождите. Сейчас я на даче и не смогу столько заплатить. А в городе смогу занять, постараюсь... Вы мне Лидочку позвоните (плачет). Мне... её услышать надо! (Пытается справиться с рыданиями.)

Второй парень. Мамаша, успокойтесь; я не могу её позвать, с ними ГАИ уже работает. Мы подъедем к вам на дачу и договоримся в деталях. (Бросает трубку, не дослушав.)

Гаснет абонентский круг. Парни исчезают, Сергеевна замирает в раздумьях, потом решительно направляется к лестнице.

Сергеевна. Запрусь наверху и не буду отвечать. Если знают, где дача, так просто не отстанут. Господи, что же случилось? Всё-таки звонили ведь с Серёжиного телефона.

Слышен звонок сотового. Одновременно освещается абонентский круг. В нём Максим.

Сергеевна (тихо). Алло.

Максим. Бабушка, не могу дозвониться до папы. Ты не знаешь, когда они приедут?

Сергеевна. Они скоро приедут; знаешь, позвони-ка ты Валере, чтобы он дозвонился до Михаила Григорьевича, а тот чтобы позвонил мне по маминому. Понял?

Максим. Что-то случилось? Зачем такие перезвоны?

Сергеевна. На телефоне деньги кончились и нóмера Михаила Григорьевича не помню. Позвони – мне очень надо!

Максим. Ладно... позвоню.

Гаснет абонентский круг. Максим исчезает. Одновременно слышен шум мотора подъезжающей машины. Сергеевна в нерешительности замирает под деревом возле калитки, не успев подняться по лестнице. От машины к калитке подходит Михаил Григорьевич. Сергеевна узнаёт его.

Сергеевна. Михаил Григорьевич, миленький! С детьми беда. Какие-то люди требуют деньги. Сейчас сюда едут. Серёжин телефон у них. Что делать?! (Плачет.)

Слышен вновь шум подъезжающей машины. Сергеевна меняется в лице. Михаил Григорьевич напряжённо прислушивается.

Михаил Григорьевич. Это ваша машина.

Сергеевна. А вдруг в ней чужие?

Михаил Григорьевич. Разберёмся!

Из подъехавшей машины к калитке подходят двое.

Сергей. Темнота. Во дворе света нет. Спят, похоже. (Открывает калитку, заходит.)

Лида. Ты, что ли, маму не знаешь? Обязательно дождётся!

Сергеевна. Лида, Серёжа, что же случилось?! Почему поздно так?

Сергей. У нас две новости: у меня телефон украли, и мы подкалымили малость.

Лида. А у вас? Вы чего тут в темноте прячетесь.

Сергеевна (улыбаясь сквозь слёзы). И у нас две: мама звонила, и Михаил Григорьевич в гости приехал.

Сергей. А гостей в этом доме кормят?

Сергеевна (радостно). Кормят, кормят!

Во дворе вспыхивает свет, накрывают на стол. Обычные хлопоты.

Занавес.